ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 174. 4

О.И. Калинина

ФЕНОМЕН БЕЗУМИЯ, НЕРАЗУМИЯ И ВЛАСТИ В ФИЛОСОФИИ М.ФУКО

О безумцах рассуждают психиатры,
сами же безумцы безмолвствуют.
М. Фуко «Ненормальные»

В работах «Рождение клиники: археология взгляда медика» и «Безумие и неразумие: история безумия в классическую эпоху» Мишель Фуко исследует образование медицинских и психиатрических понятий, в частности – нормальности и безумия (патологии). В его работах понятие «безумие» впервые приобрело философское и культурологическое содержание и стало неразрывно связываться с таким понятием как «власть-знания» и «дисциплинарные практики».

Этот ход мысли, связавший историю психиатрии с анализом властных практик (ключевой из которых является дисциплинарная), породил оригинальную концепцию социальных отношений, которая вызвала неоднозначную реакцию философского и медицинского (психиатрического) сообщества, но которая поныне привлекает к себе исследователей оригинальностью подхода и нестандартностью обобщений.

Главный тезис Фуко в том, что до 19 в. «безумия» как такового не существовало; психиатрия создала психические болезни. Современная культура непреднамеренно создала такой образ психической жизни (безумия), в который можно вглядываться, ища разгадки сущности человека.

Фуко лишает традиционную психиатрию права на обладание объективным знанием о безумии, так как она априорно связана с одной из крайностей – с позицией врача. Психиатрия оказывается лишь наукообразным выражением нравственного и социального опыта безумия. Психиатрия и её история важна исследователю не столько своим концептуальным содержанием, сколько возлагаемыми на неё функциями принудительной изоляции больных. Психиатрия обречена играть на стороне команды власти, а тема безумия с самого начала предполагает последующий переход к изучению тайны успехов и достижений этой команды. В арсенале методов и технологий господства, психиатрии отводится решение задачи отделения тех, кого можно принудить к подчинению и труду, от совершенно неуправляемых. Если носители даже самых крайних форм девиантного поведения ещё могут быть исправлены в трудовых лагерях и тюрьмах, то безумцы выделяются в совершенно особую группу. Фуко показывает, что процедура изоляции безумцев, создание соответствующего дисциплинарного пространства, предшествует появлению даже самого понятия безумия и выделению психических болезней в особый класс заболеваний. Эти концептуальные надстройки возникают позже во времени, и их предназначение не столько в том, чтобы оправдать новую экспансию власти, вторгающейся в мир человеческой души, сколько скрыть под маской псевдонаучной объективности механику властных технологий.

Вместе с тем Фуко не отбрасывает возможности получить объективное знание о безумии. Он убеждён, что подлинная объективность, свободная от террора власти возможна не в рамках психиатрии, а в рамках антропологии. Проводя границу между разумом и неразумием (безумием), мы определяем не только безумие, но и сам разум. Поскольку безумие всегда рассматривалось как отчуждение человека от его человеческой сущности[1], то оно в своей определённости как раз и указывает на эту сущность.«Безумие раскрывает истину человеческого существования, истину, до определённого момента дремлющую в глубинах нашего «Я». Безумие свидетельствует не столько о дурных инстинктах самого безумца, сколько о порочной природе человека вообще. Поведение безумца асоциально и аморально, но оно является манифестацией антропологической бездны, способной развернуться при определённых условиях в душе любого человека. Поэтому безумие не является частным клиническим случаем, а совпадает с предметом вечных философских дискуссий об изначальной сущности человеческого существования» [1, с.65]. Появляется институт изоляции безумных (как неспособных совладать с собственными агрессивными проявлениями), медицина применительно к ним приняла «форму репрессии, принуждения, обязанности добиваться спасения собственной души». Неразумие выступило результатом осуждаемого, отрицаемого и тайного опыта, но «на его основе не только сложился та-

[1] Вероятно, идею изучения безумия как отчуждения Фуко заимствовал у своего учителя Жана Ипполита, который утверждал: «Я придерживаюсь идеи, что изучение безумия – отчуждения в глубоком смысле этого слова – находится в центре антропологии, в центре изучения человека. Сумасшедший дом есть приют для тех, кто не может больше жить в нашей бесчеловечной среде» [1, с.8].

кой социальный институт, как изоляция, не только возникла система категорий и практик, относящихся к безумию, но прошла перестройка всей этической сферы» [2, с. 26]. В результате изменений в умонастроениях большинства людей, в 17 веке возникли нетрадиционные для европейского общества «институты» ухода за душевнобольными. Их теперь помещают в особые дома призрения, где они находятся вместе с безработными, нищими, бродягами, преступниками, причём содержатся за счёт государства. В середине 17 в. во Франции, эдиктом короля безумные получили право на уход, пропитание, кров и одежду. Но спустя столетие, французская революция сместила акценты: совместное содержание душевнобольных и преступников стало восприниматься как скандал. Возникли специальные медицинские учреждения для содержания и лечения исключительно душевнобольных. Меняется и понимание душевной патологии. Пришло понимание того, что безумных возможно и следует лечить.

Согласно Фуко, наличная система знаний о человеке и соответствующие формы практик (например, врачебная) исполняют решающую роль в развитии структур изоляции и господства, свойственных человеческой цивилизации. С точки зрения мыслителя, «психопатология 19 в. верила, что она принимает меры и самоопределяется, беря в качестве точки отсчёта своё отношение к нормальному человеку. Фактически же этот нормальный человек является спекулятивным конструктом; если этот человек и должен быть помещён, то не в естественном пространстве, а внутри системы, отождествляющей общество с субъектом закона» [3, с.49].

По мысли Фуко, истина безумия связывает истину дурных инстинктов с телом человека. Такая истина несовместима с общественными нормами. Излечение безумных становится уделом других людей, а как итог – «истина человека» как таковая посредством безумия и тела становится объектом научного исследования, надзора и управления.

Фуко указывает на то, что феномен человеческого тела является противоположностью феномена подчинения и оказывается тем, чем стремится власть овладеть. На тело, в конечном счёте, направлена согласованная стратегия всех многочисленных инстанций власти. Стремясь овладеть телом, власть подчёркивает физиологичность человека, демонстрирует постоянную тревогу по поводу возможных физиологических (инстинктивных) проявлений и отклонений (например, агрессии, сексуальности и пр.), жестко указывает на их несовместимость с нормами нравственности и социальными требованиями – с дисциплиной. «В каком-то смысле тела нет как такового, оно всегда только становится. Оно всегда есть то, что удалось из него сделать власти» [2, 45].

Современные общества можно определить как общества «дисциплинарные», «дисциплина» представляет собой тип власти, технологию, которая пронизывает все возможные аппараты и институты, связывая их между собой, продлевая их существование. Дисциплинарные технологии образуют множество неразрывно связанных между собой сегментов, через которые проходят либо пребывают в них душой и телом (в семье, школе, больнице, тюрьме) принадлежащие к массе индивиды.

Фуко убеждает, что власть не осуществляется посредством идеологии, даже в случаях, когда она направлена на сознание, а в тот момент, когда власть оказывает давление на тело, она не обязательно действует путём насилия и репрессий. Прежде чем подавлять, власть «порождает действительность». И она также порождает истину, прежде чем начинает идеологизировать, абстрагировать или маскировать.

Согласно Ж. Делёзу, Фуко «стал автором новой концепции власти, которую искали многие, но не смогли ни обнаружить, ни сформулировать» [3, с.208].

Ранее власть считалась собственностью того класса, который её завоевал. Фуко доказывает, что власть является не столько собственностью, сколько стратегией, она – не столько владение, сколько действие, и представляет собой не приобретённую или сохранённую привилегию господствующего класса, а следствие совокупности её стратегических позиций.

Делёз резюмирует, что действительно существенна идея Фуко о том, что «устройства власти имеют прямое, непосредственное отношение к телу… система того, что М. Фуко называет «биовластью», осуществляет перетерриториализацию тела» [3, с. 304].

В работе «Воля к знанию» Делёз отмечает, что М.Фуко пришёл к выводу о том, что в конце 18 века в обществе конституируется функция управлять и распоряжаться жизнью в рамках какого угодно множества, при условии, что это множество будет многочисленным (население), а пространство – протяжённым или открытым. Двумя чистыми функциями в новом обществе станут «анатомо-политическая» и «биополитическая», а двумя видами голой материи – любое тело и любое население. Власть и знание в таком контексте гетерогенны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Фуко М.* Ненормальные. – С-Петербург: «Наука», 2005. – 431с.
2. *Фуко М.* Психиатрическая власть. – С.-Петербург: «Наука», 2007. - 450с.
3. *Грицанов А.А., Абушенко В.Л.* Мишель Фуко. – Минск: Книжный дом , 2008. – 320с.

Автор статьи:
Калинина
Оксана Ивановна
- ст. преп. каф. философии КузГТУ.
E-mail: koi2008@list.ru

УДК 124.5

С. Б. Максюкова

ПРОШЛОЕ С НАМИ

Начало третьего тысячелетия, как считают многие авторы, знаменуют собой новую эпоху. Что несет она нам, прогресс или регресс, конец истории?

На наших глазах изменяются границы государств, разрушается традиционное мироустройство, нарушаются принципы международных отношений и права, установленные Международным Сообществом после второй мировой войны и закрепленные в Международных документах, переоцениваются человеческие ценности, изменяются научные парадигмы. Экологический и экономический кризис современной цивилизации обострил борьбу между странами за обладание мировыми ресурсами, грозящую планетарной катастрофой.

Так что, эта новая эпоха – действительно последняя в истории человечества и далее Апокалипсис? Может ли человечество остановить надвигающуюся катастрофу, либо гибель неминуема? Что может спасти нас и планету от нас самих, так называемого «антропогенного фактора»? Вера, Воля, Знания? Если вера, то какая: религиозная, научная, нравственная? Воля, но чья: каким образом, в каких действиях? Знания – но какие: естественно-научные, социально-гуманитарные, здравого смысла?

Какое место в системе знаний занимают знания социально-гуманитарные и какие функции они выполняют в социуме? Могут ли эти знания помочь человечеству преодолеть кризис и избежать катастрофы?

Данное исследование посвящено рассмотрению поставленных вопросов и предлагает читателю последовать за автором в поиске вариантов их возможных решений. И поскольку поставленные нами вопросы непосредственно связанны с ролью знания в жизни социума, и прежде всего знания социально-гуманитарного, то предметом данного исследования будет изучение формирования знаний «о духе», их становление и историческое развитие, их особенности, сходство, различие, процессы взаимодействия и взаимовлияния со знаниями естественными, их функции в социуме.

Любой историк науки знает, что знание, прежде чем стать целостной системой – современной наукой, формировалось в процессе институционального развития самого человека, собиралось по крупицам, кумулировалось, отбиралось, хранилось в памяти – общественном сознании наших предков и передавалось из поколения в поколение через всю историю человечества от так называемых «первых людей» - до нас, современников генной инженерии, нанотехнологий и космологии с ее проектами и практикой межпланетных полетов и т.д.

Сами языки народов мира, важнейшие элементы и трансляторы культуры, со всей очевидностью формировались в качестве вербальных форм знания об окружающем мире, о богах и самом человеке в его отношениях с другими людьми и т.д. Знания аккумулировались в мифах, в религиозных верованиях, магии, фольклоре, обрядах, обычаях, мистериях, здравом смысле и транслировать вначале в устной, а затем и в письменной традициях. Выступая в качестве достоверного социального опыта, понимаемого нашими предками как непреложные истины, не подлежащие сомнению, они, эти древние знания, служили им «руководством к действию» в их повседневной жизни – в хозяйственной и торгово-экономической сферах деятельности, в организации управления и выполнения властных функций, ориентировали на определенные стандарты и формы действий и поведения, помогали регулировать и межличностные, коммунитарные отношения, и развивающиеся социальные отношения.

Активно участвуя «в качестве мыслеобразов, мыслеформ, установок, предписаний, требований, образцов, правил, законов человеческой деятельности) в формировании социальных общностей и социума в целом, социально-гуманитарное знание одновременно упорядочивает и образ жизни людей, определяет приоритетные ценности и оформляет культуру народов. наполняя многообразным смысловым содержанием. Социальное и гуманитарное знание заполняет летописи, проступает в религиозных текстах, в литературных и исторических сочинениях, документах и различного рода древних текстах, философских трактатах, памятниках культуры, т.е. в многочисленных вербальных, визуальных и других знаковых объектах – результатах человеческой деятельности. Знание, принадлежавшее «давно минувшему», присутствует в настоящем и участвует в становлении будущего.

Так, например, история свидетельствует о том, что основные нравственные требования, существовавшие уже в глубокой древности, сохранили